

УДК 82.0 (7)

Ю.А.МАРИНИНА, кандидат филологических наук, доцент, НГПУ им.К.Минина, umarinina@gmail.com

ОБРАЗ ГОРОДА В ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

J.A.Marinina

IMAGE OF THE CITY IN POLISH LITERATURE SECOND HALF XIX CENTURY

В статье исследуются особенности создания образа города в польской литературе XIX века на материале произведений Э.Ожешко и Б.Пруса. Образ польского города, с одной стороны, приобретает черты мегаполиса, сравнивается с другими европейскими города, а с другой стороны, сохраняет национальную специфику и мифологизируется.

Ключевые слова: образ города, городской миф, мифологизация, польская литература

The article examines the features of a city image in Polish literature of the XIX century on the material of E.Ozheshko and B.Prusa. The image of the Polish city, on the one hand, acquiring the features of the metropolis, compared with other European cities, and on the other hand, preserves national identity and mythologized.

Keywords: image of the city, an urban myth, mythologizing, Polish literature

Изучение образа города – востребованная и перспективная сфера исследований в современной науке. Познания в этой области способствуют пониманию национального характера, установлению межкультурных связей, углублению знаний в сфере искусства, истории. Изучение образа города в литературе, с одной стороны, передает отражение объективно существовавшего (существующего) в реальности облика города, а с другой – представляет субъективное авторское восприятие города.

В изображении образа города в польской литературе последней трети XIX века можно выделить две тенденции: первая связана с формированием национального городского мифа, вторая – с вхождением польской литературы и культуры в западноевропейскую систему координат (это общая черта эпохи к. XIX в.) и, соответственно, сопоставлением польских городов с западноевропейскими.

Авторский городской миф во второй половине XIX века представлен в творчестве Элизы Ожешко (1842-1910) (новеллы «Дай цветочек!», «Четырнадцатая часть» (1877) и др.). Ее образ города создается под влиянием классического западноевропейского реализма – таковы Париж Бальзака, Лондон Диккенса.

Основной особенностью создания городского мифа на этом этапе является использование приема антитезы: она лежит в основе характеристики городского пространства (мифологическое пространство традиционно делится на центр и периферию), в основе создания системы и характеров персонажей. Окраина города – бедный еврейский квартал, где живут главные герои новеллы «Дай цветочек», Хаита и Хаимек, противопоставлена центру – городской площади, бульвару, где гуляют состоятельные поляки. Здесь намечена еще одна важная тема: соседство поляков и евреев. Они говорят на разных языках, не понимают друг друга, ходят по разным улицам, живут в разных мирах. Образ цветка (букета) усиливает контраст: его красота противопоставлена убогой обстановке жилища героев. В новелле букет цветов символизирует связь между мирами поляков и евреев, богатых и бедных. Хаимек вспоминает о цветах в финале – в доме ребе Нохима во время изучения Торы. Мальчик слушает рассказ об ангеле молитв Сандалфоне и произносит по-польски: «Дай цветочек!», как на бульваре научила его говорить дама в белом. Таким образом, связующим звеном между разными мирами становится красота, Э.Ожешко проводит мысль об обожествлении прекрасного, сравнивает функции красоты и религии:

давать надежду человеку. Однако финал новеллы может быть понят и с другой точки зрения: мальчик не понимает смысла речей о религии так же, как и польский язык, и букет цветов является и символом связи двух миров, и в то же время символом непреодолимого разрыва между ними.

Ожешко использует традиционные общекультурные антиномии: настоящее – прошлое (жизнь Хаиты), город – деревня, страдание – счастье, смерть – жизнь. На антитезе строится и изображение жизни Хаиты в деревне и городе: деревенская жизнь (детство и юность Хаиты) была идиллической, а жизнь в городе приносит страдания. Контраст заметен и в описании настоящего Хаиты: тяжелые, мрачные воспоминания о смерти близких людей сменяются счастьем при взгляде на внука.

Действие новелл Ожешко происходит в Онгроде, прообразом которого послужил Гродно, город, в котором жила писательница с 1869 г. С одной стороны, изменение названия города было вызвано требованием цензуры (хотя очевидность этой аналогии вряд ли могла кого-то ввести в заблуждение), с другой – подобный прием давал возможность создать универсальную модель города, т.е. происходит мифологизация образа города.

Одной из ведущих черт литературного процесса рубежа XIX – XX вв. является соединение различных эстетических тенденций в рамках одного образа, одного произведения. Это проявляется и в создании образа города в романе «Кукла» (1887-1889) Болеслава Пруса (1847-1912). Здесь есть элементы образа Варшавы, созданные под влиянием натурализма (описание городской свалки на берегу Вислы), импрессионизма (изменение восприятия города в зависимости от настроения героев, хрономатический принцип письма – изменение пейзажа в разные времена года), реализма (реальный облик Варшавы в 70-е гг. XIX в.).

Важнейшим принципом создания городского мифа в польской литературе этого времени является принцип субъективности, реализующийся через эмоциональность восприятия города. Варшава на страницах романа Пруса субъективно окрашена: «Ему <Вокульскому> казалось, будто он ощущал усталость изнуренных лошадей, тащивших тяжело груженные телеги, и боль их хребтов, в кровь стертых хомутами. <...> И в довершение всех мук он страдал за деревья с ободранной корой, за булыжники, похожие на выбитые зубы, за мокрые от сырости стены, за поломанную мебель и рваное платье. <...> Эта необычная способность ощущать чужую боль родилась в нем только сегодня, час назад» [2, с.65]. В зависимости от настроения Вокульский по-разному воспринимает городской пейзаж. Но такой близостью и способностью пробуждать чувства обладает только польский – родной – город, признавая величие Парижа, герой остается к нему безразличным: «Вокульский понимает, что он в самом сердце Парижа, но не испытывает ни волнения, ни любопытства. Ему все безразлично» [2, с.432]. Тем не менее субъективное описание городов в романе соседствует с объективным воспроизведением их облика последней трети XIX века, и на основе романа Пруса можно построить карту Парижа, как и карту Варшавы (неслучайно в 2006 г. в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина проходила выставка «Варшава времен «Куклы» Болеслава Пруса»). Схематичное изображение Парижа Вокульский представляет очень необычно: «Венсенский лес находится на юго-восточной границе Парижа, а опушка Булонского леса – на северо-западной его границе. Пролетающая между ними ось города напоминает гигантскую гусеницу (длиною почти в шесть верст), которая, соскучившись в Венсенском лесу, отправилась на прогулку в Булонский лес» [2, с. 456]. А Варшава в романе ассоциируется с бабочкой: Вокульский видит бабочку, летящую в сторону города, и сравнивает ее с Изабеллой Ленцкой, а себя – с червяком. Т.е. Варшава и Париж – «существа разной породы», как бабочка и червяк, как Ленцкая и Вокульский. Однако Варшава – город Вокульского, но не Ленцкой: «Для нее не существовало времен года, – была вечная весна, проникнутая мягким светом и благоуханием живых цветов. Не существовало поры дня, ибо она месяцами ложилась спать в восемь утра, а обедала в два часа ночи. Не существовало также географических различий, ибо в Париже, в Вене, в Риме, Берлине или в Лондоне ей встречались все те же люди, те же нравы, та же

мебель и даже все те же блюда: супы из водорослей Тихого океана, устрицы из Северного моря, рыба из Атлантики или Средиземного моря, дичь всех стран, фрукты всех частей света. Даже силы тяжести для нее не существовало, ибо стулья ей пододвигали, тарелки подавали, ее самое по улице везли, на лестнице поддерживали, на горы поднимали на руках» [2, с. 38].

Несмотря на любовь к Варшаве, Вокульский замечает недостатки города, хочет провести реформы, изменить городское пространство (в описании нищеты, городской грязи заметно влияние натурализма, тогда как субъективность восприятия, хрономатический принцип письма (изменение города в разное время года) свойственны импрессионизму, но все-таки доминирующими являются реалистические картины Варшавы).

Важной чертой в создании облика Варшавы является ее сравнение с другими городами Европы (Париж, Лондон, Берлин), России (Москва, Петербург). Польша становится государством, жители которого путешествуют, говорят о других странах и городах. Представление об открытости Европы, отсутствию границ, сформировавшееся в польской литературе эпохи романтизма [1, с. 129], подчеркивается в литературе к. XIX в., но большее развитие получает уже в XX в. (Ежи Ставинский, Мануэла Гретковская).

Итак, в польской литературе последней трети XIX века существуют такие тенденции в создании образа города, как отражение его объективного/субъективного облика, мифологизация – создание универсальной модели города. На этом этапе развития литературы представлена связь с предшествующей традицией изображения города, с одной стороны, с другой – появляются черты в изображении польских городов, актуальные и в XX в., и в начале XXI века. Можно сказать, что особенности эпохи – переходность, сосуществование различных эстетических тенденций – отразились и в создании образа города этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мочалова, В. Миф Европы у польских романтиков [Текст] /В.Мочалова// Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. – М.: Индрик, 2004. – С. 129-146.
2. Прус, Б. Кукла [Текст] / Б.Прус; перевод с польского Н.Модзелевской. – М.: Художественная литература, 1986. – 558 с.

© Маринина Ю.А., 2014